

Менделеев

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 21—22 (1864—1865)

Среда,

20 июня

1990 г.

Издается с 1929 г.

Цена 2 коп.

ОРГАН ПАРТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФКОМА И РЕКТОРАТА МОСКОВСКОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

Борис Ельцин — политик в неполитической стране

Ругать Ельцина — признак реакционности. Или же элитарности: интеллектуалы-демократы посматривают свысока.

Однако Ельцин такого роста, что находится в этой позиции долгое время трудно. Приходится смешиваться с толпой, из которой раздаются интеллектуальные: «Чего в нем хорошего? Разве только роста огромного!».

Это по-женски. А мужчины навесили ученое словечко «популист» и довольны. Да только кто не популист? Разве что Демократический Союз и академик Сахаров...

«Популизм» — термин, возникший совсем в ином обществе, применительно к другой политической культуре. Понятие это возникает в политическом обществе, и популизм конституируется в оппозиции к развитым бюрократическим институтам, причем, как правило, основу популистских движений составляют группы, боящиеся потерять пусть мелкую, но все же собственность, настроения, иногда патриархально, иногда утопически (что в общем-то одно и то же). Советская же бюрократия и не бюрократия вовсе, а бюрократически оформленная система патерналистской власти. О ней никак не скажешь, что она носитель правовых принципов, организаций и порядка. И «народ» не тот. Одно дело — уравниловство мелких хозяев, и совсем другое — люмпенов. Ельцина пытаются объяснить политически, а надо бы по-другому, памятуя о том, что политика в нынешней России, как и в прежней, не отделена от обыденной жизни. Это, конечно, российское горе — нерасчлененность сфер общественного бытия, когда культура есть одновременно и политика, а политика — экономика. И именно это порождает возможность возникновения харизматических лидеров.

Раз уж произнесено слово «харизма», надо разобраться с ним. А то, как ни откроешь газету, все там: «харизма партии», «харизма генсека». Ее раздают всем, забыв о веберовском отчленении (так более точно, нежели «противопоставление») харизматического типа лидерства от традиционного. Когда речь идет о Горбачеве, то, конечно, надо признать, что он соединяет черты обоих типов. Но все более явственно он становится вождем номенклатуры, то есть приобретает законченный облик лидера традиционного. Горбачев не вышел за рамки воли: Он назначил себя депутатом в составе красной сотни, провел выборы из одной кандидатуры по принципу «сначала выберем — потом выслушаем». Он соединил в одном лице законодательную и исполнительную власть и тыкает депутатам так же, как секретарям обкомов и прочим подчиненным — от министра до рабочего. И поэтому, конечно, отчасти правы те, кто объясняет рост популярности Ельцина падением популярности Горбачева. Да только с помощью одного лишь «нет» ничего не объяснить.

Начало было положено на октябрьском Пленуме 87-го. На трибуну поднялся потерпевший поражение администратор, не сумевший справиться с хитроумной чиновничьей Москвой. Но это уже был человек, готовый на конфликт с тем, кто рекомендовал его в Политбюро, с самим Политбюро, с ЦК и со всей номенклатурой. Трибуну Пленума покинул начинающий политик.

Противостояние Ельцина и номенклатуры не объяснимо его неприятием привилегий и аморальным, непорядочным, с точки зрения бюрократической этики, поведением по отношению к покровителю. В конце концов, пайки не самое главное, а история КПСС полна примерами разного рода предательств. Но самому решать свою судьбу! Попроситься в отставку, в политическую отставку! Это не преступление против власти, не пренебрежение званием кандидата в члены Политбюро. Это похуже. Это измена общему делу, покушение на всеобщее и абсолютное подчинение, которое связывает всех — от инструктора райкома до генсека. И это появление личности в той системе, которая по природе своей безлична.

То смутное, неопределяемое, невысказываемое, чем силен Ельцин, можно назвать чувством правоты. Вопреки устоявшемуся, незыблемому, Ельцин выжил, не раскаялся и начал наступление, но уже не в кабинете, не на парадной трибуне, а на улице. Миллионы увидели пример освобождения от социальной роли, победы внутренней свободы над внешними обстоятельствами. Миллионы почувствовали, что и в своей жизни можно изменить многое, почти все.

Но в том-то и дело, что интеллектуальный истэблишмент менее всего стремился к качественному изменению своего статуса. Его устремления не идут дальше существенного расширения уже имеющихся функций — консультационных по отношению к власти и учительских по отношению к гражданам-подчиненным. Не у каждого была поездка в Горький или в Мордовию. И раз не хватает собственного авторите-

та, то надо подкрепить уже имеющееся положение хорошими отношениями с властью. Ельцин же «испортил песню», нанеся еще один удар по вековой мечте о просвещенном авторитаризме, поколебав надежды на государя-демократа.

После проработки Ельцина, когда неформалов свинтили без винта, официальные демократы стали оправдывать вышних иерархов. Особенно напирала на то, что, мол, нельзя «давать повод», как будто повод вообще нужен.

«Это совсем не та буря!». Первый российский политик вышел из недр номенклатуры. Конечно, обидно. Но политик-то он в неполитической стране. Интеллектуалы так хотели кого-нибудь из политологического трактата. И зря, ведь если страна находится в состоянии перехода, то и адекватен ей человек, переживающий кризис.

Судьба поставила Ельцина в положение человека, постоянно делающего самостоятельный выбор, совершающего поступки индивидуальные, не предусмотренные никакими ритуалами. Причем все это на глазах у миллионов. Так из жизненно-повседневного значения этой фигуры вырастает харизма Бориса Ельцина, то есть наделение его внеповседневными качествами.

Теперь, наверное, не надо объяснять, почему о Ельцине лучше всего сказано не политологом, а кинематографистом — Александром Сокуровым. О нем вообще словами не скажешь. Его политическая биография может быть описана старым русским «э-эх!».

Сначала человеческое, а потом политическое, сначала жизнь, а потом политика. И как раз потому, что Ельцин оказался слишком живым человеком, а значит и слишком политиком, ему был заказан путь в стан россололюбивых чернорубашечников, которые олицетворяют и антиполитику, и антижизнь, именно антижизнь, а не смерть. Егорий-победоносец им милее, чем Борис-великомученик.

Ельцину никогда не поверили бы, не нарушь он правила игры. И уничтожить его пытались, опорожнив не позицию (которой, собственно говоря, нет, да и не нужна она Ельцину), а повседневное поведение. Похабилина, перепечатанная «Правдой», заслуживает внимания — бедной «Республике» подсушили материал, явно рассчитанный на советского читателя, воспроизводящий образ «русского за границей» из сатирических эстрадных монологов. Эффект получился обратный, так как любое обытовление делает образ Ельцина более привлекательным, питает его популярность.

Так это делается (или случается) в неполитической стране. Многие, возможно, решат, что политическая смерть Ельцина, появившегося в краткий переходный период, будет означать начало новой, уже политической стадии. Но я бы не спешил с похоронами. Появление таких отступников, как Ельцин, да и сам Горбачев, вовсе не свидетельство того, что господствующая элита еще способна выдвигать незаурядных деятелей. Это как раз доказывает ее кризис — им тесно в прежних рамках. Если даже Ельцин уйдет, стухнет, то все равно он может оказаться предтечей нового типа партийных работников, уходящих из номенклатуры в политику.

ДМИТРИЙ ШУШАРИН.
«Атмосфера», 29 апреля 1990 г.

★ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Выдающиеся химики В. Н. ИПАТЬЕВ, Е. И. ОРЛОВ, известный революционер Х. Г. РАКОВСКИЙ — эти имена вы найдете на страницах гуманитарного выпуска.

★ НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Специально для «Менделеевца» подготовили свои материалы корреспондент Гостелерадио в Вашингтоне Борис КАЛЯГИН, автор научно-популярных книг Юрий ЛЕБЕДЕВ, преподаватель Александр ФИРЕР, первокурсник Игорь ВОЛОВИК.

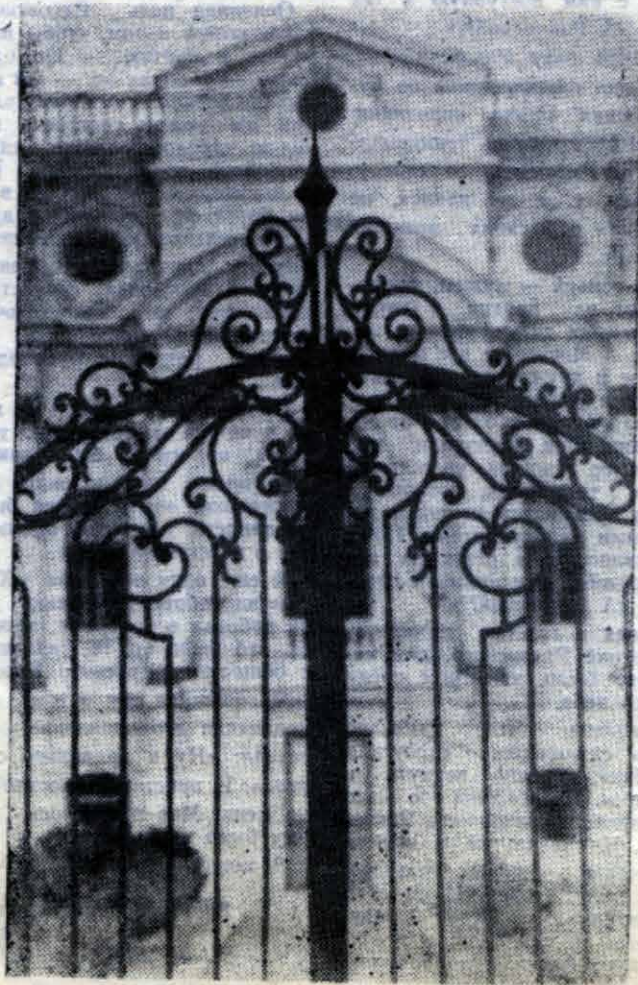
★ МАЛЕНЬКИЙ ПАРНАС

Продолжаем знакомить наших постоянных читателей с творчеством литературного сотрудника «Менделеевца» Сергея ПРОТАСОВА.

★ ФОТОАЛЬБОМ «МЕНДЕЛЕЕВЦА»

Перелистать страницы архивных подшивок «Менделеевца» предлагает новая рубрика газеты.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЫПУСК
«МЕНДЕЛЕЕВЦА»

● НАШИ ПЕРЕВОДЫ

ШАРЛЬ ДЕ БОДЛЕР

ИЗ СБ. «ПАРИЖСКИЙ СПЛИН. МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ В ПРОЗЕ».

Надо быть в опьянении всегда. Это единственный и самый важный вопрос. Чтобы не ощущать ужасной тяжести. Времени, что давит на ваши плечи и пригибает вас к земле, надо опьяняться без передышки.

Но чем же? Вином, поэзией, доблестью — чем захотите. Но — опьяняйтесь.

И если когда-нибудь на дворцовых ступенях, на зеленой траве, в урюмом одиночестве вашего жилища вы проснетесь, а хмель ослабнет или исчезнет совсем, спросите тогда у ветра, у волны, у звезды, у птицы, у часов, у всего, что летает, у всего, что вздыхает, у всего, что движется, у всего, что поет, у всего, что словом владеет, спросите — который час? И ветер, волна, звезда и часы ответят вам: «То час опьянения! Чтобы не быть мучениками и рабами Времени, опьяняйтесь бесконечно! Вином, поэзией или доблестью — чем захотите».

Перевод с франц.
Ю. ОСИПОВА
специально для
«Менделеевца».

● СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ЦАРСКИЙ ГЕНЕРАЛ, ЗАМПРЕД ВСНХ,

Генерал царской армии, убежденный монархист, член большевистского правительства, патриот России, американский профессор, пионер в области химии высоких температур и высоких давлений... Как ни странно, речь идет об одном человеке, об удивительной судьбе которого рассказал в своей статье в газете «Поиск» (№ 9, 1989) профессор В. Кузнецов. Имя этого человека — Владимира Николаевича ИПАТЬЕВА — долгое время было у нас под запретом, потому что когда-то он не вернулся из заграничной командировки, спасаясь от мясорубки НКВД.

Продолжая уже укоренившуюся за годы перестройки традицию возвращения нашей науке великих, но опальных в прошлом имен, мы предоставляем вашему вниманию статью В. Кузнецова с небольшими сокращениями.

Владимир Николаевич ИПАТЬЕВ был основоположником учения о катализе при высоких температурах и давлениях, ставшего научной основой промышленного органического синтеза. За достижения в этой области был в 1914 году избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук, а в 1916-м — академиком. Он, и никто другой, в годы первой мировой войны явился организатором сернокислотной и коксобензольной промышленности в России, а когда кончилась война и началась демобилизация промышленности, оказался первым химиком-академиком, призванным к этой работе, стал бессменным председателем технического совета химической промышленности, на который были возложены все вопросы новых производств и нового строительства. Ленин называл Ипатьева «главой нашей химической промышленности».

Но... наступил 1937 год. Нет,

Ипатьев не был арестован. Он оставался жив, а уже приговоренный для него капкан — также, как, например, для Ф. Раскольников, оказался пустым. Зная о «засаде», Владимир Николаевич не возвратился из очередной заграничной командировки на Родину (кстати, Раскольников в своем обвинительном письме Сталину пишет именно об этой причине невозвращения также и Ипатьева).

Но хотя он не вернулся, запущенная машина расправы продолжала крутиться. В нее не попал сам человек, однако оставались его научная репутация, честное имя и достоинство... Ипатьев же ссылаясь на контракт с частной фирмой, которая-де категорически возражает против его поездки в СССР.

По словам самого Ипатьева, главной причиной его невозвращения была общая обстановка в стране, сложившаяся

после смерти В. И. Ленина. В конце двадцатых годов близкие Ленину партийные и государственные руководители-интеллигенты грубо отнеслись в сторону, их активно заменяли менее грамотными, но более изворотливыми и беспринципными людьми.

Как председатель Комиссии по демобилизации промышленности, как член коллегии Госплана СССР и Президиума ВСНХ СССР Ипатьев при жизни Ленина имел постоянные рабочие контакты с Троцким, Подвойским, Кржижановским, Горбуновым. Но уже вскоре после смерти Владимира Ильича стал с тревогой отмечать, что этих людей бесцеремонно перебрасывают с высоких постов на менее значимые. Троцкого, с которым Владимир Николаевич был особенно тесно связан, со всех высоких постов — на должность председателя научно-технического отдела ВСНХ. Ипатьева назначили его заместителем. Затем Троцкого сняли и с этой должности, а Ипатьева без каких-либо видимых причин устранили из Президиума ВСНХ.

Странная закономерность заставляла Ипатьева задумываться все чаще: внезапные репрессии обрушивались на самых умных, самых активных и деловитых.

С 1934 года начались аресты учеников. Но еще до того, в конце 1929 года, тучи сгущаются над ним самим. В пра-

вительственных кругах формируется мнение, что часто бывая в Германии, он будто бы больше работает на зарубежные фирмы, чем на СССР. Ученый хорошо понимал, чем это грозит. В обстановке, поощряющей карьеризм, доносы и ложь, политика укрепления экономических и научно-технических связей с зарубежными фирмами, когда-то поддержанная Лениным, Красным и Кржижановским, может быть истолкована как «политика промпартии» или даже средство установления шпионских связей с зарубежными центрами. И в 1930-м он принимает твердое, хотя и крайне тяжелое для него решение покинуть Родину.

К счастью, сохранились личные заметки Ипатьева, где он сам касается этой непростой темы. Будучи в 1927 году в очередной командировке в Германии, он вместе с Альбертом Эйнштейном как-то оказался гостем известного ученого В. Нернста. Там во время обеда произошел инцидент, на первый взгляд, не слишком примечательный.

«Один из немецких профессоров спросил меня, почему я совсем не покину СССР и не переселюсь за границу для продолжения своих научных работ, где я найду, несомненно, гораздо больше удобства, чем у себя на Родине. Я в то время не имел ни малейшей идеи покинуть свою страну...

Я не замедлил ответить... что я, как патриот своей Родины, должен остаться в ней до конца моей жизни и посвятить ей все мои силы.

Профессор Эйнштейн слышал мой ответ и громко заявил: «Вот этот ответ я вполне разделяю, так надо поступать».

И вот прошло 4—5 лет после этого разговора, и мы оба нарушили наш принцип: мы теперь эмигранты и не вернулись в свою страну по нашему персональному решению, а не потому, что были изгнаны нашими правительствами...

Отъезд из СССР состоялся в июне 1930 года. Из Германии Владимир Николаевич переехал в США, в небольшой городок Эванстон, в 40 км от Чикаго. Здесь стал профессором Нортвэстернского университета и консультантом фирмы «Универсал-ойл-продукт». И все-таки еще шесть лет он не терял связей с СССР: направлял выполненные в США работы в советские научные учреждения, дефицитное оборудование и материалы, в 1936 году Академией наук СССР даже была издана его большая книга по катализу.

Все эти связи разом оборвались в 1937-м. В СССР изъяти все печатные труды Ипатьева. Арестовали, за исключением трех человек, всех оставшихся еще нерепрессированных его учеников, часть которых (М. Немцов, Г. Разуваев и другие) вели работы и дела-

● НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

НАДЕЖДА
ИОФФЕ

ПОМНЮ

В двух предыдущих гуманитарных выпусках были опубликованы воспоминания Надежды ИОФФЕ о ТРОЦКОМ и КРАСИНЕ. Завершают цикл мемуары, посвященные Х. Г. РАКОВСКОМУ.

Христиан Георгиевич Раковский родился в Румынии, вырос в Болгарии, образование получил во Франции и... русский революционер.

Помимо немецкого, английского и французского языков, он владел еще румынским, болгарским и русским. А может быть, и еще каким-нибудь. Знание иностранных языков в том кругу, в котором я вращалась в детстве, не было чем-то исключительным. Мой отец знал пять языков, столько же знал и Троцкий, четыре языка знал Красин. Так же, примерно, и все остальные. Но для каждого из них русский был родным языком. Для Раковского же — одним из нескольких, которые он знал одинаково хорошо. Однажды я спросила его, на каком языке он думает. Помню, что присутствовавший при этом Бухарин тоже очень заинтересовался: «В самом деле, на каком языке вы думаете?» После некоторой паузы Раковский ответил: «Наверное на том, на каком в это время говорю».

Весной 1919 года нас, троих ребят — двух сыновей Троцкого и меня, отправили погостить в Харьков к Раковскому. Он был тогда председателем Совнаркома Украины, а Харьков — центральным городом Украины. Отправили подкармливать из голодной в то время Москвы на более сытную (особенно в смысле фруктов и овощей) Украину.

Христиан Георгиевич был очень занят, но иногда по вечерам выбирал время, чтобы поговорить с нами. Я уже не помню содержания этих бесед, но помню серьезный, доверительный тон, в котором он вел их.

Помню, что мы все трое (двоим из нас было в то время 13 лет, третьему — 11) были совершенно уверены, что Христиан Георгиевич всеерьезно интересуется наше мнение по тому или другому вопросу. Я думаю, оно его действительно интересовало.

В 1927 году умер мой отец. Он покончил с собой, оставив письмо, адресованное Л. Д. Троцкому. Однако раньше, чем дойти до адресата, письмо попало в руки работников ГПУ. После многочисленных требований письмо (вернее фотокопия) было вручено Раковскому. В комиссию по организации похорон Раковский входил «от друзей», так это было официально сформулировано.

В 1929 году, будучи в ссылке в Красноярске, я получила открытку от Х. Г., который также находился в ссылке, в Астрахани. Он передал мне привет от Льва Давыдовича Троцкого, уже из Турции. Х. Г. имел с ним доступную в тех чала: «А Раковский?!»

К 1934 году Раковский был, вероятно, единственным из руководящих членов оппозиции, который (пользуясь терминологией того времени) не капитулировал, т. е. не каился, не отходил от своих прежних взглядов...

Я с семьей — мужем, исключенным из партии, и двумя маленькими детьми была в это время в Москве, и все мое семейное и дружеское окружение всячески давило на меня, настаивая на моем отходе от оппозиции. Они приводили мне в пример старших, уважаемых мною товарищей, которые к этому времени стали так называемыми капитулянтами. Но я держалась, и в ответ на все приводимые ими примеры отвечала «А Раковский?!»

Когда в газетах появилось заявление Раковского, для меня это было, как гром среди ясного неба.

Заявление было написано очень сдержанно: «допускаю ошибки», «прошу вернуть в партию». Но все-таки это было заявление, и написал его Раковский. Никто другой, а именно Раковский — друг Троцкого, друг моего отца. И он стал «капитулянтом». И тут я задумалась. Может быть, я действительно чего-то недопонимаю?

Ведь нельзя же сравнить политический опыт мой и Раковского, человека, который занимался революционной деятельностью на протяжении сорока лет. В Болгарии и в Румынии, во Франции и в России. Заподозрить его в беспринципности я не могла. И в то же время я считала, что подобное заявление писать нельзя, а он его написал. Значит, один из нас ошибается. Кто? Я не находила себе места. Я позвонила ему по телефону и попросила разрешения прийти. Он сказал: «Конечно, приходи».

Жил Христиан Георгиевич на Тверском бульваре. Когда я пришла, дома кроме него были его дочь Лена и ее муж, уже известный в то время поэт Иосиф Уткин. Лена была дочерью жены Раковского, он удочерил ее в раннем детстве, она носила его отчество и его фамилию. Дома ее называли смешным детским именем «Кокуца» (кокуца — на румынском языке ласковое обращение к девочке). Лена и Иосиф скоро ушли, и мы остались с Х. Г.

Основная цель Раковского заключалась в том, чтобы вернуться в партию. — По одному, — говорил он, — мы ничего не добьемся, а внутри партии мы можем составить какое-то здоровыслящее ядро, способное поддерживать все положительное, и в то же время бороться с культом и другими негативными явлениями. Внутри партии, несомненно, имеется прослойка, сочувствующая нам, но недостаточно решительная, чтобы идти на прямой разрыв с руководством...

Прошло много лет, я не могу ругаться за дословную точность, но мысль была такая.

Очевидно, ни при каком политическом опыте нельзя было предвидеть того, что произойдет в действительности...

Я еще один раз была у Х. Г. уже на работе. Не помню, где он работал в то время, кажется, это было что-то, связанное с обществом Красного Креста.

Я сообщила ему о том, что подписала его заявление. Он сказал: «Ну и правильно сделала». И пристально посмотрел на меня. Мне показалось, что ему было меня жалко.

А может быть, себя?..

Рукопись предоставлена редакцией
Ю. Л. СУПОНЦКИМ.

ДНЕВНИК

ИЗ ТЕТРАДЕЙ ВЫДАЮЩЕГОСЯ

(Окончание. Начало см. «Менделеев» № 12 от 11.04.90 г.)

8 января 1918 г.

Погиб Шингарев, погреб Кошкин; застреленные в лечебнице ворвавшейся толпой, состоящей из кого-то, неизвестно. Убийцами руководила опытная рука, знавшая, кого убивать.

Пресловутое Учредительное собрание разогнано большевиками; судя по выборам в его председатели Чернова, а одним из кандидатов была Мария Спиридонова. Можно составить себе представление о качественной наличности этого собрания; хорошо, что только разогнали, могли разогнать и выпороть всех членов, да они и стоят этого! Просто ирония над понятием «учредительное собрание»! До чего довели Россию негодия, до какого позора. До какого бесправия и всеобщего безразличия!

Большевизм в народе — прямо психоз, действующий как зараза, на всех, поголовно. Большевики с издевательством над всем, что стоит выше некоторого уровня безграмотности и невежественности массы. На фронте идет распродажа лошадей, инвентаря, даже орудий; последние продаются немцам; что это такое? Отсутствие всякого чувства относительно общественного достоинства, имущества государства, народа! Воровство и грабеж идут в открытую: чего стесняться — сами хозяева! Слово «буржуй» стало вроде слов «нечистая сила». В это название вкладывается все, что только каждому взбредет в голову. Так же обстоит дело и с «контрреволюцией».

Японцы заняли Владивосток. Очередь за Архангельском и Мурманском. Раз большевики объявляют неплатеж по государственным займам — ничего не остается другого, как занимать наши порты.

Углубление революции идет все дальше и глубже: объявлена реквизиция всех припасов, золотых и драгоценных вещей, частных библиотек (в Харькове).

Квартиры профессоров и служащих Технологического института подверглись обыску со стороны красной гвардии и анархистов — искали оружие, при обысках не обошлось без воровства. Отвратительно...

14 января.

Разыгрывающиеся события действуют на меня угнетающе. Бузескул в газете «Жизнь России» воспроизвел Философское письмо Чаадаева. Пессимистические мысли последнего, высказанные им 90 лет тому назад, вполне совпадают с моими мыслями относительно русского народа: «Назов для германской культуры; рабство и нищета — все, что мог, то уже совершил».

Возврат к самодержавию под флагом пролетарского самодержавия; при том и другом правит небольшая группа людей, сумевших правильно учесть народную психологию: мысли невежественного народа дальше хлеба и зрелищ не простираются; надо народный ум поддерживать на уровне хлеба и зрелищ — и только, и тогда править невежественными массами легко. Но что всего отвратительнее, так это демагогические приемы пролетарского правления, отвратительные приемы, гнусные — в этом повинна большевистская пропаганда.

18 января.

Сбывается то, что предчувствовалось из всего хода событий: Россия, единая и могущественная (так казалось), не существует больше. Такова судьба гигантской монархии. Почувствительная страница истории: русская нация, как низшая раса, исключена из состава мировых государств. Большевики все углубляют и углубляют революцию. Манифест Крыленко об объявлении священной войны всем буржуям и призывом идти в добровольческую армию; все еще играют во французскую революцию, не учитывая ясно того, что уже все свершилось: «Мене, теке, фарес». Нельзя давать правление в руки невежественной массы и детей; доигрались, конец.

ПАТРИОТ РОССИИ, АМЕРИКАНСКИЙ УЧЕНЫЙ

ли выдающиеся открытия в тюрьмах. Научным работникам было запрещено делать ссылки на труды Ипатьева, упоминать его имя...

В годы первой мировой войны генерал-лейтенант царской армии, председатель химического комитета Главного артиллерийского управления русской армии Владимир Николаевич был известен в России как высокопоставленная особа, приближенная к императорскому двору. Но уже в 1918 году он вошел в состав руководящих лиц при Советском правительстве, а в 1921 году стал членом Президиума ВСНХ РСФСР, то есть членом правительства Советской республики, постоянно общаясь с Дзержинским, Рыковым, Троцким и нередко с Лениным.

Было нечто парадоксальное и в мировоззрении, прежде всего, — в политических убеждениях этого незаурядного человека. Не приняв социалистическую революцию и оставаясь приверженцем конституционной монархии, Ипатьев тем не менее искренне и твердо встал на путь сотрудничества с большевиками, решив отдать свои силы и талант Советской республике. На все предложения, исходящие после 1917 года от его прежних коллег-генералов и посланцев с Запада (а их было немало), о сотрудничестве с контрреволюцией, о вступлении в белую гвардию или выезде из России он от-

вечал категорическим отказом.

Его выбор и поступки давались вовсе не такой малой ценой, как могло бы показаться. Отшатнулись даже самые близкие. Средний сын, Николай, пошел в белую гвардию, вместе с белогвардейцами покинул Россию и при первой встрече с отцом за границей не подал ему руки как «продавшемуся Советам». Младший, Владимир, вынес отцу приговор 29 декабря 1936 года на общем собрании Академии наук...

Такую отцовскую трагедию не дай бог кому-нибудь пережить!

И, наконец, нельзя считать безмятежной жизнь Ипатьева в США. С одной стороны, он обладал полной материальной свободой, был окружен вниманием любящих его сотрудников, с другой — на него давила тяжесть отрыва от Родины и семьи, угнетало сознание неисполненного перед ней долга, он трагически переживал разрыв с сыновьями, все, что с ним происходило. Ведь Владимир Николаевич знал об аресте Владимира, которого все же не спасло отречение от отца. Знал, что Николай глубоко страдал от раскола семьи, впал в мистицизм и позднее погиб в Африке при испытании открытого им средства против желтой лихорадки. Мучительно переносил Владимир Николаевич и разлуку с дочерью, зная о ее жизни в объятиях страха.

«Можно было совершенно не соглашаться с многими идеями большевиков. Можно было считать их лозунги за утопию, но надо было беспристрастно и признать, что переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 года, проведенный Лениным и Троцким, обусловил собою спасение страны, избавив ее от анархии и сохранив в то время в живых интеллигенцию и материальные богатства страны».

Вот это и есть ответ на вопрос, почему царский генерал вместо кителя с погонами надел гимнастерку с ромбами в петлицах и совершенно сознательно вместе с большевиками включился в строительство новой жизни.

В 1967 году, через пятьдесят лет после того, как оборвалась жизнь Ипатьева, мне довелось побывать в Эванстоне и Чикаго и там познакомиться с обстановкой, в которой жил и работал Владимир Николаевич, поговорить с теми, кто знал его близко и таким образом более или менее отчетливо представить себе, чем он дышал на чужбине.

Меня принял в Эванстоне, в Лаборатории химии высоких давлений и температур имени В. Н. Ипатьева профессор Герман Пайнс — самый близкий из учеников, друг и душеприказчик Владимира Николаевича. Принял сухо, с явной неприязнью и упреками.

— Вы, русские, совсем не представляете себе, кого потеряли в его лице, не понимаете даже, кем был Ипатьев, — заявил он. — Каждый час своей жизни здесь, в США, каждый шаг в своей научной деятельности он отдавал России. Беспредельная любовь к Родине, какой я никогда и ни у кого из эмигрантов не видел, была той почвой, на которой произрастали все выдающиеся результаты его научной деятельности.

Мы, его ученики, — продолжал Пайнс, — приобрели или построили для себя здесь, на берегу озера Мичиган, хорошие коттеджи. Владимир Николаевич не захотел иметь собственный дом. Он считал себя иностранцем и 22 года (!) жил, снимая номер в гостинице.

Он жил Россией, а русские платили ему нарочитым забвением. Я особенно возмущен тем, как в СССР отнеслись к столетию ученого. В июне 1967 года мы пригласили пятерых ученых из СССР, взяли их оплатить их поездку. Но их к нам не пустили. Что вы на это скажете?

Да, Пайнс не ошибался. Чем более популярным в научном мировом сообществе становился Ипатьев, тем активнее его имя вытравлялось из научной документации у нас в стране.

Ипатьев принадлежал к тем очень немногим ученым, которые сочетают в себе качества

теоретика самого высокого класса и экспериментатора или даже инженера, способного уже завтра начинать строить завод по открытому им сегодня новому технологическому методу. Среди химиков таких исследователей история может назвать с десяток, не более. Химия высоких температур, пионером которой был Ипатьев, ныне позволяет наладить такой процесс производства мономеров синтетического каучука, что уже в ближайшие годы в этом производстве будут заняты не сотни тысяч труженников, не тысячи, а только единицы. Химия высоких давлений и температур обещает дать конструкционную металлохимию, уже дала искусственные алмазы и сверхтвердый материал — боразол...

В. Н. Ипатьев не может быть забыт! Мы идем от заложенного им фундамента химии высоких энергий к его мечте — широчайшим горизонтам этой науки.

Безвинно пострадавшие люди посмертно восстанавливаются в партии, в Союзе писателей СССР. Не пора ли и Академии наук поступить также? Скажем, для начала пусть посмертно, но вернуть звание своего действительного члена Владимиру Николаевичу Ипатьеву. Это не ему нужно — всем нам, живым.

Подготовила к печати
И. ФУРМЕР.

ПРОФЕССОРА

РУССКОГО ХИМИКА Е. И. ОРЛОВА

24 января.

Большевики терроризируют обываков местную интеллигенцию и буржуазию; обывки сопровождаются случаями воровства. Но судя по тем беспорядкам на почве голодовок, какие имеют место в Петрограде, дни большевиков сочтены — голод уберет их. Анархисты работают также во всю. Полная разруха промышленности. Нанесен такой удар промышленности, особенно крупной, что она долго, долго не поправится.

26 января.

Лекция комиссара по вероисповеданию о «низложении царя небесного» и трактование таинства причастия как колдовства. Духовенство лишено жалования, а церковное имущество отобрано прежними декретами. В гордыне своей мы уже пробуем восстать на Бога и Христа его...

Русский народ, тебе предлагают низложить Царя небесного и таким образом уподобиться языческим инородцам, которые мажут сметаной губы святого на иконе, если им удастся что-нибудь; если же не удастся, то порят икону розгами. Таким же дикарем и тебя, русский народ, представил всем этот комиссар вероисповеданий! Революция не удастся хулиганам; предлагают низложить Царя небесного и заключить его в казематы Кронштадта для поучения, как надо делать революцию... Матросы научат Царя небесного многому! Хулиганство дошло до своего апогея...

27 января.

Дело в том, что большевизм — стоглавая гидра, так как во всяком русском демократе сидит большевик, все чьяния которого — захватить как можно больше, а дальше — трын-трава!

Затронута церковь, затронута в корне — увидим, что будет. Есть такие вещи, которых нельзя касаться никаким тиранам и никаким диктаторам. Это — аксиома, на каком бы низком уровне развития народные массы не находились.

18 февраля.

Итак, то, что осталось от России, за 11 месяцев пережило следующие этапы политического развития: самодержавие, хамодержавие и воровдержавие большевиков, анархистов, просто воровских шаек.

Интересна статья Бердяева в «Русской мысли». Бердяев отмечает две черты русского народа (мужичьего и рабочего): 1) анархо-бунтарскую и 2) стремление к справедливому распределению (уравнению). Обе черты положены были в основу разных народнических течений русской интеллигенции; т. е. этими чертами русская интеллигенция хотела воспользоваться для целей пропаганды, чтобы заварить кашу революции. В каждом народническом движении большую роль играла вера русской интеллигенции в коллективный разум русского народа (т. е. мужика). Большевики, несмотря на свой крайний марксизм, также захотели использовать те две черты мужичьей и рабочей массы. Пущенные в широкие массы невежественные лозунги принесли свою пользу партии, дав ей полную победу. Но только дальше что будет? Вместо справедливого распределения, уравнения — получился полный грабег, разбой, уничтожение ценностей. Анархо-бунтарская черта побуждает мужичье разбивать все вдребезги. Творческих же и работоспособных проявлений в невежественной массе нет: она привыкла танцевать только от печки. А дальше ожидается еще горшее: междоусобная брань в самой деревне, между мужиками. Уравнения не произошло, значит — надо отнимать у захватчиков. Рабочие же в темной своей массе не понимают ни национализации, ни социализации: им подавай только свое, подавай заработки, а дальше, кто будет вла-

деть рудниками и заводами (фабриками) — по меньшей мере наплевать. Да, собственно объявление предприятий национализированными — эта мера необходима от расхищения предпринимательского имущества со стороны рабочей массы, почувствовавшей себя хозяевами положения дел, следовательно, считавшими себя вправе продавать имущество предприятий. Пока большевики платят рабочим, они будут держаться; как только прекратится платеж, рабочие пошлют их ко всем чертям, и тогда рабочую массу придется усмирять при помощи красновардейцев.

23 февраля.

В пролетарских большевистских газетах идет травля буржуазии, интеллигенции и всех непролетариев с призывом расправляться с буржуями и прочими инакомыслящими; последние де виноваты в германском походе. Мерзопакостнее и отвратительнее едва ли были черносотенные призывы в 1906—1907 году!

В довершение большевистские комиссары по образованию добрались до народной и средней школы. Что проповедуется? Волосы становятся дыбом за будущее поколение русской молодежи, если оно станет воспитываться на этих началах! Если так пойдет дело, то все интеллигентское и творческое покинет русские пределы и переселится в ту же Германию и Австрию для приложения своих знаний и труда. Гнусная русская пролетарская демократия не способна ни к какому творчеству, кроме разрушения и низменных животных запросов, она ничего не способна усвоить. Что она заимствовала от русской буржуазии? Жадность и приемы спекуляции — больше ничего. Боже, будь милостив хоть к будущему поколению России, если Ты теперь караешь ее за прошлые грехи!

28 февраля.

Революция в своих попытках сделать что-то творческое потерпела страшное крушение: человечество воочию убедилось, что

в несостоятельности революционных попыток создать что-либо ясно-полезное для народных масс, революция не творит, а разрушает. Это теперь ясно для всех: не только для интеллигенции страны, но и для простого народа. Народы Западной Европы еще раз убедились в том, что спасение не в революции, а в эволюции; только мирные завоевания прочны, остальное же изменчиво и зыбко.

5 марта.

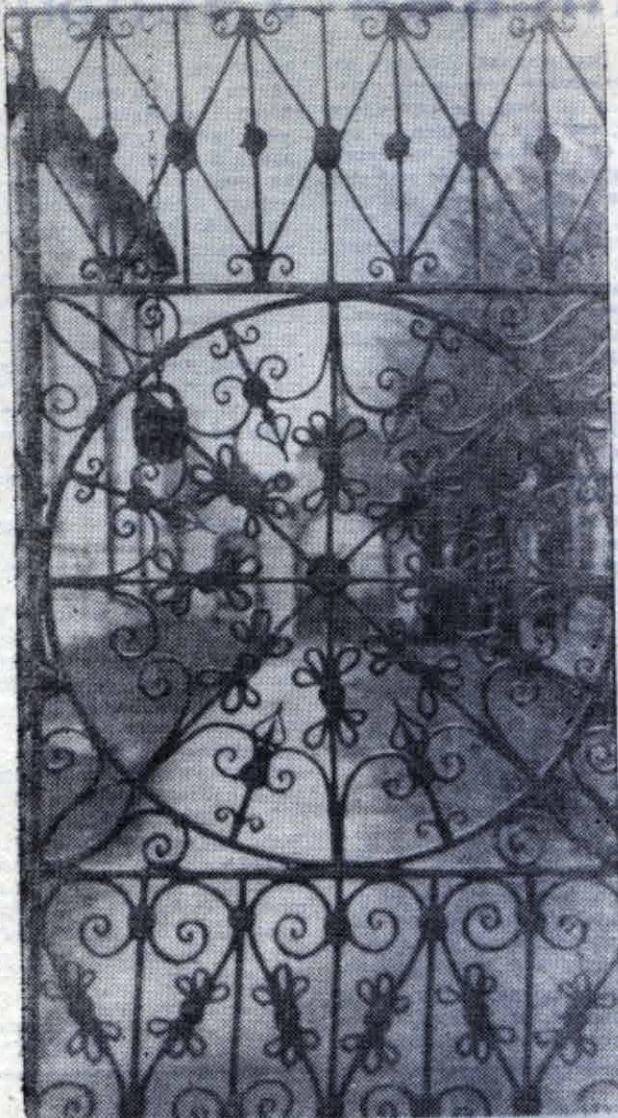
Я не верю 1) прежде всего — в жизнеспособность идеи национализации вообще при господствующей системе капиталистического строя и хозяйства в других соседних странах; нельзя государству ставить в экономической жизни в положение изолированности и обособленности от других стран, а потому все попытки ведения хозяйства страны на новых началах окажутся совершенно бесплодными; 2) в жизнеспособность национализации предприятий и хо-

пыт убеждает меня, что в России из всех способов ведения хозяйств в разных предприятиях самое убыточное, бесприбыльное и отсталое ведение было в казенных государственных предприятиях (заводах). Почему? Потому что русский человек в массе от рабочего до интеллигента не воспитан в сознании долга в отношении к государству и обществу, всегда небрежно относится к казенному имуществу и к своим обязанностям, и потому, прежде чем осуществлять национализацию предприятий, надо еще воспитать народную массу на других началах. Говорят, что излишний формализм был причиной отсталости казенных предприятий. Нет, излишний формализм являлся некоторой гарантией от разворывания и окончательного краха казенных предприятий. То же самое грозит русским предприятиям и при их национализации.

Рукопись предоставлена редакции А. БЯЛКО.

● ФОТОАЛЬБОМ «МЕНДЕЛЕЕВЦА»

«Закрит, закрит кабачок!» — последний в этом году гуманитарный номер «Менделеевца» предлагает вам подобрать ключ к этой вычурной калитке, которая, как нам показалось, вполне похожа на то, что часто отделяет нас от Большой Культуры — на то небольшое и вполне приятное усилие понять до сих пор не понятое. Хотя бы раз в месяц выключите свет, снимите с вертушки «Мотли Крю» или «Бон Джови» и попробуйте получить кайф от «Маленькой ночной серенады» Моцарта или от любой из баховских фуг. Ломает? Ничего! Попробуйте еще раз через месяц, господа и дамы. Авось и понравится. Сказал ведь однажды монстр хеви металла Мальмстин, что весь рок произошел от Баха...

Надо, надо «двигать собой». И — дай вам Боб!

На снимках нашего разворота: Виктор ЕРОФЕЕВ, Майя ПЛИСЕЦКАЯ, отец АРТЕМИИ, Владимир АШКИНАЗИ, духовой оркестр МХТИ, Иосиф БРОДСКИЙ, Владимир НАБОВ, Андрей ПЛАТОНОВ, Наталья ТРОИЦКАЯ, Борис ГРЕБЕНЩИКОВ, участники концерта в МАЗе.

Они были гостями Менделеевски и «Менделеевца».

МЫ ОБРЕЧЕНЫ НА ПОБЕДУ!

♦ Сейчас у нас два выхода: реальный и фантастический. Реальный — прилетят инопланетяне и все для нас сделают. А фантастический — мы сами выкарабкаемся.

З. Паперный

♦ Вы говорите — хаос, а я вижу демонтаж бывшей системы; как начать восхождение, не спустившись до конца с «звняющих высот»?

Е. Яковлев

♦ Лечение часто приводит к дополнительным осложнениям, но не следует винить за саму болезнь сваливать на лечащего врача.

В. Чалидзе

♦ В политической борьбе больше желающих победить, чем найти истину, помочь человеку... Многие не столько хотят сказать правду, сколько стремятся к тому, чтобы им поверили.

А. Плутник

♦ Чтобы прошибить стену, нужны одни, чтобы строить из обломков — другие...

В. Игрунов

♦ До сознания каждого можно довести короткий афоризм: «Выбрать — значит вычеркнуть».

В. Лихачев

♦ Перефразируя известное библейское изречение — пришло время собирать камни. Вне зависимости от того, кто их раньше разбрасывал.

Е. Алыбац

♦ Принципиально мы обречены по победу, но совершенно непонятно, как вынести эти месяцы. Чем короче прогноз, тем он неутешительнее. И напоминает это Великую Отечественную; о которой кто-то хорошо сказал: «Мы закономерно победили, но абсолютно чудом, непонятно почему не отдали Москву».

А. Аронов

У ТИТА ЛИВИЯ рассказано о том, что перед битвой с карфагенянами консул ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ сказал войскам: «Сегодня мы будем сражаться с отвагой и веселием победителей, они — со страхом и унынием побежденных».

Приведя эти слова, О. ЛАЦИС пишет в «Книжном обозрении»: «Только так: с отвагой и веселием победителей. Потому что... наши противники победить не могут. Они способны тормозить и губить всякое доброе дело, способны портить жизнь таланту, способны ломать честных людей — все так. У них власть, на их стороне сейчас сила — это тоже правда. Но их власть и их сила изначально обречены, потому что не дано им создать. Не могут они решить ни одну реальную проблему страны. Страна хлебнет с ними горя — тем важнее напомнить каждому мыслящему человеку: они не победят...»

Собрано А. АНИСИМОВЫМ.

МАГ ЗА БУДУЩЕГО

ГУМАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА.
ПРАКТИЧЕСКОЕ МИЛОСЕРДИЕ.
ГАРМОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ.

МАГ утвержден Учредительной Конференцией 1 июля 1988 г. в г. Москве. Устав МАГ зарегистрирован Координационным Советом СОЦПРОФ СССР 30 ноября 1989 г. ПЕРВЫЙ ЭТАП:

Работа направлена на благотворительность и практическое милосердие — создание бесплатных харчевен и приютов, медицинских пунктов, кабинетов санобработки, бесплатной одежды, оказание материальной помощи для немущих, бездомных, малообеспеченных, инвалидов и многодетных семей. А также всячески способствовать возвращению военнопленных на Родину и соединению с семьей.

МАГ за всеобщую гармонию души, тела, природы и создание условий для гармоничного развития личности.

МАГ за реализацию на деле Всеобщей декларации прав человека.

МАГ за гуманизацию культур, науки и техники, среды обитания.

МАГ за христианское отношение между людьми. За жизнь по десяти библейским заповедям. Все люди Земли — наши братья!

МАГ за возрождение религиозных традиций, восстановление христианского всеобщего и контакты с зарубежными религиозными организациями.

МАГ за примирение всех религий, контакты и сотрудничество на ниве мира, братства и любви.

МАГ за свободную издательскую деятельность и возможность беспрепятственного получения бесплатной религиозной литературы из-за рубежа.

МАГ — за всемирный праздник 1-го июля — «День открытых границ».

МАГ — за возможность «довавилонского» общения, за международный язык «эсперанто» с сохранением собственных культур и языков. При МАГ решено создать «Международный Клуб Эсперанто-Арт-Тур».

КРОМЕ ТОГО

МАГ за экологическое и нравственное оздоровление нашей планеты.

МАГ за открытие границ для торговли и путешествий в Европе.

МАГ за всеобщий Европейский дом и за общее правительство в Вене из глав правительств европейских стран.

МАГ за открытие филиалов МАГа в столицах всех стран мира.

МАГ за эколого-миролюбивое движение России «Зеленый Мир».

При МАГ создается Международный Благотворительный Фонд Народной Дипломатии.

При МАГ создается Международный Благотворительный Фонд «Художники Мира — нуждающимся России».

При МАГ создается Международный Благотворительный фонд «Практического Милосердия и помощи многодетным семьям».

При МАГ создается Производственное объединение с применением инвалидного труда «Сатурн».

При МАГ создается Международный Благотворительный Фонд «За спасение и возвращение храмов верующим».

При МАГ создается Международный Центр «Народной нетрадиционной медицины».

При МАГ создается издательство и кино-видео центр, студия «Крест и Голубь».

При МАГ создается Международный Благотворительный Фонд «Эмиграция — любимой России».

При МАГ создается Международный Благотворительный Фонд «Автопробега породнения столиц мира».

При МАГ создается Международный отдел бартерных сделок.

При МАГ создается Международный благотворительный Фонд практического Милосердия имени Матери Марии.

При МАГ создается Международный Фонд Милосердия ПОЛИКОДУМБ.

При МАГ создается Благотворительный Фонд общественной Академии ноосферы земли им. Вернадского.

При МАГ создаются экономическо-религиозные объединения стран на базе взаимопонимания и свободы личности с наибольшим благоприятствованием в торговле и путешествиях.

Все светлые религии Земли, объединенные сверхидеями справедливости, добра, миролюбия, благотворительности и практического Милосердия, спасут Мир. По инициативе Международной Академии Гармонии совокупные Богоугодные усилия Всемих религиозных организаций в данном направлении в период с 1990 г. до 2000 г. объявляются «Десятилетием Спасения Мира».

ВТОРОЙ ЭТАП:

МАГ за полное разоружение и ликвидацию войск на Земле. МАГ за мирный общий дом без границ и войн на Земле и в Космосе.

МАГ за право человека жить в экологически чистой среде.

МАГ за всемирное правительство на базе ООН для свободных народов.

МАГ за человека будущего — гармонично развитую личность!

А. БУГАЕВ, писатель, президент МАГ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

В ГОСТЯХ У ПРАВНУКА

Когда он, широко распахнув дверь, внезапно появился в редакции «Менделеевца», я промчался мимо, не узнав его от неожиданности, и только успел подумать: «Надо же — в дверях пропускает, не перевелась еще интеллигентность». Это «внезапное» появление А. В. Бялко, старого знакомого нашей семьи, не оказалось для меня мимолетным и незначительным: через несколько дней я перелистывал страницы рукописей, написанных красивым старомодным почерком — дневники Е. И. Орлова, оказавшиеся неожиданно для меня прадедом Алексея Владимировича.

Для беседы Алексей Владимирович пригласил меня домой и показал некоторые документы и фотографии, принадлежавшие ранее его предкам. Кроме знаменитого прадеда в этом роду были волжские купцы 1-й гильдии Чумаковы, входившие, если не в первый десяток, то уж в первую сотню самых именитых точно. Чумаковский табак, например, упоминается Гиляровским в «Москве и москвичах».

Были и сестры-революционерки Рукавишниковы, которых в Нижнем Новгороде посещал Ленин. Были и дворяне, и крестьяне, и кантонисты... Родословная богатейшая. Кроме того, если не считать самого Е. И. Орлова, в роду было еще 3 хиника, в том числе родители А. В. Бялко, закончившие в 1940 г. МХТИ.

В кабинете Алексея Владимировича веет духом давно ушедших времен. Рядом с огромным в тяжелой раме портретом М. Н. Чумакова — вид фабрики в Костроме, владельцами которой были предки-купцы. Слово музейный экспонат, кресло, в котором когда-то сидел Е. И. Орлов. Сам же Алексей Владимирович работает за крепким, дубовым столом, прадедовским.

Бялко разложил передо мной кипу тетрадей с рукописями Е. И. Орлова. Та подборка, что напечатана на страницах «Менделеевца», — лишь малая их часть. Помимо опубликованного, существует еще дневник, который Орлов вел более полувека: с 1890 по 1942 год. Сохранилось также жизнеописание эпохи второй мировой (вплоть до 1944 г.) — последних лет жизни ученого.

Меня интересовал вопрос: как все это могло сохраниться полностью, в неприкосновенном виде, ведь первая строчка написанного появилась ровно 100 лет назад!

Идея сохранения дневников, — пояснил Алексей Владимирович, — такова: ни в одном звене семейной цепи не должно быть разрыва. Любимой из них губителен. Обыск в послереволюционное или сталинское время означал бы конец. Одного из моих предков, С. М. Чумакова, в 21 году в Костроме арестовали (видимо, за происхождение) и приговорили

к смертной казни, но ленинский ВЦИК оправдал его, и поэтому, несмотря на повторный арест в 33 году, такое оправдание стало веской защитой от внезапных обысков.

В 1928 году вся семья поселилась в Москве, в Харитоньевском переулке, и времена, в общем, наступили спокойные, по сравнению с послереволюционными. Дневники попали ко мне почти двадцать лет назад, после смерти моей бабушки Ольги Георгиевны, дочери Орлова. И теперь они здесь, в Отрадном...

Алексей Владимирович вытащил пачку свежих новеньких листов — отредактированный и перепечатанный на компьютере дневник 1917—1918 гг.: «Смотри, получилось как в типографии! А над этим, — Бялко указал на исписанные от корки до корки мелким почерком тетради, — предстоит еще поработать, разбираться, печатать. Ведь это — частица меня самого, хотя и косвенная».

Самое страшное — забыть историю рода, порвать связь с предками. За долгие десятилетия мы старательно вычеркивали все, что напоминало о «старых временах», и теперь приходится собирать буквально по крупицам. Хочется надеяться, что Возрождение подлинной истории наступит благодаря именно уважению потомков к своим корням.

Игорь ВОЛОВИК,
гр. Н-13.

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

ГЛАВА I.

Граница. Рубеж. Поезд подходит к последней советской станции. Темное утро, снег. За окном ходят суровые люди: военные и таможенники, кого-то ведут вдоль путей. Нет, вроде не нарушитель: женщина такая приятная, разные же бывают проблемы. А их нужно решить здесь, по эту сторону. Мало ли что?

Ну, вот и все. С паспортами — о'кей, тронулись! Последние метры советской территории. Что там, за забором с колючей проволокой и вспаханной полосой? Конец Земли? Может быть, но поезд идет уже мягче, без стука. Финляндия.

Не знаю, наверное, по уму и провожают, но встречают по одежке. Нет, не Финляндия меня встречает, что ей до еще одного туриста! Я встречаю Финляндию. И то, что впечатляет первым, остается в памяти на долгие.

Через две минуты поезд останавливается, и мы оказываемся прямо напротив таможен. Это симпатичный домик с большими окнами, здесь таких много. Но что в окнах! Не пугайтесь, не металлические шкафы с автоматами — бутерброды: приграничный ресторан. Люди сидят спокойные, неторопливые, такие же, каких я видел потом в хельсинкских кафе.

За таможен — стоянка. Разноцветные автомобили, да такие милые, словно дети: сонные, тихие, еще спящие в пред-рассветной зимней мгле. Здесь и «вольво», и «сааб», и «рено», и «тойота», есть и наши «жигули».

А мы едем дальше по финской земле, и мне очень стыдно, что наш поезд такой грязный снаружи. Мимо-то пробегают ярко-красные вагоны. За окнами мелькают небольшие, но вполне столичные здания из стекла и бетона, названия фирм, банков и магазинов, хорошо одетые люди на платформах. А где же деревни, глушь, провинция?

Из Москвы

Таких понятий здесь почти не существует. Глушь (может быть) и есть на севере страны, в Лапландии; деревень нет, потому что финны хотят совсем отказаться от сельского хозяйства, кроме животноводства, а в «провинции» всегда можно купить все, что есть в столичных универсамах.

Впрочем, столица уже за окнами. Пути то и дело прижимаются к гранитным скалам. Их гладкие, упругие, словно мускулистые бока испещрены рисунками и размашистыми надписями. Слов я, конечно, не понимаю, не могу найти даже аналогичные (финны говорят вообще на нендоевропейском языке), но, по-моему, ничего пошлого и мерзкого здесь нет. Эта своеобразная «реклама» выглядит вполне эстетично, оживляя мертвый камень. Скал много. Они вдруг вырываются на волю из-под асфальта и вторгаются своей аскетичной суровостью в столичную жизнь. В этом прелесть севера. Под ногами гранит, гранит и гранит. Где уж тут выращивать бахчевые и разбивать пышные сады! И как не назвать по-старинке Хельсинки «городом контрастов», если первое, что я увидел, сойдя на перрон, это бананы на лотке, шедшем от фруктов прилавке. Вот это торговля!

Вообще, магазинов в финской столице колоссальное количество. Они начинаются сразу же от вокзала, под землей, а затем переходят в огромные супермаркеты. Они взбираются по этажам даже на крыши и образуют там настоящие переходные улицы. Одежды, обуви, посуды, продуктов, телевизоров, антиквариата, книг и планов любых городов столько, что забито все от пола до потолка. И это в городе с населением всего лишь в пол-миллиона!

В порту я видел очаровательный крытый рынок, вымытый до блеска, где торговали свежайшими овощами, рыбой и мясом лучших сортов и икрой

4-х видов, даже зеленой!

Да-а, шведский король Густав Ваза, основавший в 1550 г. Гельсингфорс (т. е. Хельсинки), чтобы хоть как-то перетянуть у Таллинна торговлю на Финском заливе, даже помыслил не мог, что его крошечное деревянное детище через 4 столетия перепоголяет древнего эстонского брата. Да и не только его!

К сожалению, в Хельсинки старины осталось не много. За свою короткую историю город пережил столько пожаров, что даже странно, как он вообще не перестал существовать. Однажды, в XVII в., его пришлось перенести на новое место, более удобное для торговли.

Город расцвел лишь в прошлом веке, когда стал столицей Великого Княжества Финляндского в составе России. Об этих временах напоминает Сенатская площадь с примыкающими кварталами. Здесь царит ампиризм. Колонны, фронтоны. И Александр II тоже. Странно видеть мне, москвичу, за границей памятник российскому императору, которому, кстати сказать, не грозит уничтожение и переплавка. За спиной Александра — собор, белый с зелеными куполами. По формам он очень похож на Исаакиевский. И хотя более скромный, кажется величественным. Храм поставлен на скалу, превращенную в огромную лестницу. Собор кафедральный, действующий, как и все, и все остальные в стране, лютеранский. И вот что интересно. Его Исаакиевский брат — это музей, он настолько богат, что тяжеловесность внутри (от избытка), и темные тона давят буквально на психику. Здесь же наоборот: белые стены, несколько статуй и орган — все! Молитесь себе спокойно. Есть еще и туалет. Причем не где-нибудь в подвале, а не так далеко от алтаря! Кошунство, скажете вы? Нет, удобство. Церковь должна развиваться, как и все, что вокруг нее. Хватит средневековья!

● КРУГ ИНТЕРЕСОВ

ОН ПОРАЗИЛ МИР

Вацлав Нижинский — это история русского балета. Имя великого русского танцовщика первой четверти XX века знает весь мир, он популярен и любим: Морис Бежар посвящает ему балет «Нижинский — клоун божий». Джон Ноймайер ежегодно устраивает в его честь вечера. Первый танцовщик труппы Дягилева — Нижинский принес мировую славу русскому балету, был первооткрывателем мужского танца на Западе. Он первым поставил балет И. Стравинского «Весна Священная». По воспоминаниям современников, описаниям реакции на его творчество, Нижинский уникален.

Нижинский — танцовщик легендарной и трагической судьбы. Родился в Киеве 28 февраля 1889 года. По окончании Петербургского училища в 1907 году был принят артистом Императорских театров в Мариинский театр, где танцевал три года. Был уволен дирекцией. Встреча с Дягилевым стала поворотным событием в его жизни: «Русские сезоны» в Париже сделали Нижинского известным. Затем — скоротечный брак в Буэнос-Айресе, гнев Дягилева, который восстает против этой женитьбы и вскоре увольняет Нижинского из труппы Русского балета. Земной рай для него исчезает. Нижинский ищет истинного Бога. Поиски приводят его к 19 января 1919 года, к дню, который он сам потом назовет

днем своего «венчания с Богом». Это дата последнего концерта Нижинского, в котором он передавал безумие и гротеск своего времени, любовь к Богу и отречение от всего остального. Последующие годы он провел в медленном погружении в бездну мучений, скитаясь по клиникам для душевнобольных.

Великий гений конца XX века оставил в наследство уникальный документ о своей жизни, об искусстве, о мире.

Хореограф Морис Бежар по прочтении «Дневника» Нижинского поставил балет к столетию со дня его рождения, премьера которого состоялась в Москве и стала значительным событием в культурной жизни столицы.

Ночью на сцене засыпающего театра танцор и актриса встречают свою судьбу — «Дневник» Нижинского. И внезапно игра любви и смерти уводит наших героев через танец, слово, смех, боль и безумие. Кто они? Трагические или смешные, классические танцоры или цирковые клоуны, персонажи, ищущие кого-то, чего-то? Любви, сказал бы Нижинский, театральной страсти и, наверняка, гуманности.

Исполнители главных партий Хорхе Донн и Сине Линковски прекрасны. На сцене они рождают блестящий спектакль — суровый и нежный, поэтический и строгий. Вселенная Мориса Бежара гармонично и страстно

сочетает все виды искусства, из которых танец является его самым близким собеседником. Танцы не мешают слову, а глагол мыслит в этой ритмичной хронике неповторимой жизни. Сине Линковски выступает в ролях матери Вацлава, жены, Дягилева, произносит слова Нижинского против войны, насилия и ненависти. И делает это с полной отдачей.

Хорхе Донн — это современный Нижинский со всем пониманием и любовью, которые может знать только зрелость, позволяющая проникнуть в тайны человеческой души.

«Я не Нижинский», — произносит Донн. Однако в центре спектакля мы видим человека в совершенном общении с Богом и танцем.

В каждом движении — мысль. Только Хорхе Донн — танцовщик от бога — на излучении и уплотнении каждой секунды на сцене смог придать «коллажам» спектакля цельность, наполнить его предельной искренностью. Он прожигает жизнь на сцене: свою, Нижинского, каждого из нас...

Коррида страстная и кровавая. Трагедия без матов, через маски и костюмы — это жизнь каждого, которая стучит в дверь и указывает пальцем на порог, отделяющий искусство от повседневной жизни, воображаемую действительность от безумия.

Александр ФИРЕР.

В Хельсинки

На площади мало народа. Центр переместился чуть дальше, к вокзалу, где универмаги и величественные подземные переходы создали новый Хельсинки, европейский. Мне показалось, что финны где-то в душе, про себя, стесняются Сенатской площади. По-моему, им неуютно от столь величественного напоминания о временах, когда Финляндия была провинцией с громким названием. А площадь, не знаю почему, и отдаст чему провинциальным. Площадь — скорее музей архитектора Карла Энгеля, создавшего по типу Петербурга центр финской столицы.

Недалеко от Сенатской, за улицей Александра, начинается главный проспект — Маннергеймinti. На нем — музеи, белый дворец «Финляндия» и парламент. Улица строгая, официальная, перед громоздким и некрасивым парламентом — зеленевшие памятники политическим деятелям. На коне — сам Маннергейм. Статуя очень простая и реалистичная. Национальный герой не гарцует и не красуется, в его фигуре ощущается веяние грозного 39-го. Бывший генерал-лейтенант царской армии спас страну, выстроив вдоль границы прославившиеся на весь мир оборонительные сооружения. Финны не любят вспоминать о том времени, к чему перебивать кости. Но в национальном музее и в некоторых журналах я видел фотографии развалин зданий в Хельсинки, разрушенных в эти годы.

Быть на Маннергеймinti и не зайти в парламент — глупо. По выходным там бесплатные экскурсии. Нас с мамой одних водили по этажам две женщины-экскурсоводы, явно гордясь величием главного в стране здания. Одна, видимо, следила за порядком, другая рассказывала, все время поглядывая в красиво оформленную шпаргалку. В парламенте много итальянского мрамора и красивый круглый зал с колон-

нами и куполом, покрытым прессованным сахарным тростником. Но мне больше понравился гардероб, в котором к каждому отсеку прибит табличка с фамилией. У каждого члена парламента — свой шкаф. Когда-нибудь эта раздевалка войдет в историю! С Mannegeimintie открываются виды на разные части Хельсинки. Город кажется скучным и тяжеловесным, но оригинальным. Он не очень похож на другие европейские города с черепичными крышами и барочными дворцами. В его довольно молодом облике сочетаются разные стили и направления. Временами, конечно, замечаешь сходство с Ленинградом: ампиры, дома конца прошлого века и жилые кварталы 50-х годов. Есть и псевдоготические здания (Запад, как-никак) и старые respectable дома, лишённые украшений.

Но интересна именно настоящая финская архитектура. Она заявила о себе в начале века, когда были построены вокзал и несколько главных церквей. Эти здания могут показаться слишком мрачными и суровыми (зачем строить «крепости» в XX веке?). Но сколько прелести и колорита в их мощных башнях и оригинальных деталях! Как заставляют они сдерживать бурные эмоции и проникнуться благоговением к их стенам. Они дышат природой, в них — гранит и серый камень — это земля Финляндии.

Совсем другое дело — новая архитектура. Ее главное отличие — легкость, ступенчатые формы и полное подчинение ландшафту. Если центр правильно распланирован и плотно застроен, если, бродя по нему, часто не замечаешь, что спускаешься и поднимаешься со скалы на скалу и удивляешься, заходя под арку, что двор — трехъярусный, то улицы на окраинах — извилисты, дома стоят свободно, здесь много стекла, элегантности, светлых тонов и плоских крыш.

После войны вокруг столицы выросло много городов. Я бы сказал, что пригороды. Но они имеют свое самоуправление и центры. Они граничат между собой и простираются на огромные расстояния. Каждый из них — живописная местность с невысокими домами, иногда сгруппированными в маленькие городочки. Внутри любого из них — магазины и церкви.

Церкви в Финляндии совсем новые, светлые и удобные. В некоторых устраивают концерты. По-моему, лютеранство в современном мире наиболее прогрессивно, и это в значительной степени проявляется в скандинавских странах. До сих пор не могу простить себе, что так и не побывал ни на одной финской мессе. Слушал лишь Равеля в одной из церквей. О ней я хочу рассказать подробнее.

Почти в самом центре Хельсинки есть интересный квартал. Старые улицы с красными домами поднимаются кольцами на небольшую возвышенность. Наверху — площадь и гигантский валун. Еще издали можно заметить приземистый купол, притаившийся на нем. Там, в скале — церковь. Удивительная. Конечно, о ней везде говорят и пишут, она самая знаменитая в стране. И все же я позволю себе ее описать. Внутри тишина. Но из-за величественной акустики и тихих звуков кажется, что стены шепчут. По ним, как смола по сосне, медленно стекает вода. Горят свечи, у алтаря — цветы. Убранство на редкость простое: скалы и орган. Но здесь поражает красота скалы, очаровывает каждая неровность, выступ, щель. Над головой круглый потолок из красного сплава. Его держат крепкие и легкие бетонные шпальцы, вырастающие из камней. Между шпальцами видно небо. Как все просто и удивительно.

Игорь ВОЛОВИК.

(Продолжение следует)

Невозможно себе представить наше телевидение без них — людей с безукоризненными прическами, в модных галстуках и хороших западных костюмах, периодические появляющихся на экранах на фоне экзотической природы или потрясающих воображение небоскребов. Журналист-международник — какие ассоциации вызывает сей славный титул? Валюта, «Мерседес», «Пэл-Мэл»... Словом — истеблишмент. И еще — романтика. Так кто же они, эти люди?

● ГОСТЬ «МЕНДЕЛЕЕВЦА»

НАЕДИНЕ С ЧУЖОЙ СТРАНОЙ

О своей работе менделеевцам рассказывает корреспондент Гостелерадио в Вашингтоне БОРИС КАЛЯГИН.

Да, по нашим внутрисоюзным масштабам мы материально обеспечены, тут жаловаться грех, хотя надо сказать, что зарплата корреспондента советского ТВ в Америке много ниже зарплаток среднего американского рабочего. Ответив сразу на этот, многих волнующий вопрос, хотелось бы все же рассказать о другом.

Работа наша интересна, динамична, полна неожиданностей. Я выбрал ее и благодарен судьбе за возможность делать именно эту работу. Особенно сейчас, когда все меняется к лучшему в этом лучшем из миров, слова Гласность, Перестройка, Русские и Горбачев стали чуть ли не самыми часто употребляемыми в английском языке. Мы перестали показывать только свалки и безработных, а стали заглядывать в ту невероятную пропасть, которая разделяет «акул большого бизнеса» и «несчастных, стоящих в очереди за бесплатным супом», с удивлением обнаружив, что на дне «пропасти» живет, трудится и, трудясь, процветает почти весь американский народ, во многом так похожий на наш. Словом — работа стала намного интереснее.

Однако, есть в ней и свои сложности. В СССР и США существуют жесткие ограничения для корреспондентов Гостелерадио и американских телекомпаний. Они достались нам в наследство от холодной войны. Часто они просто абсурдны. Например, если надо куда-то поехать, ты должен передать через советское консульство в госдепартамент США точный отчет о будущей поездке с указанием всех остановок, гостиниц и номеров в гостиницах, номера машин, в которых поедешь, точный путь следования, от которого потом нельзя будет отклониться ни на полмили. Госдепартамент при этом диктует свои условия — жить только в тех гостиницах, которые он укажет и так далее...

Мы не можем сами снять квартиру — это делает Госдепартамент, для этого мы сдаем ему деньги за полгода вперед. Третью территорию США вообще закрыта для посещения советскими журналистами. Частным лицам из СССР можно, нам — нельзя. Причем эта самая треть делит Штаты пополам с Юга на Север, то есть попасть в Западную часть страны я могу только на самолете. При этом мы с оператором тащим на себе всю аппаратуру! Прибыв на место, мы не можем нанять машину без шофера — не разрешается Госдепом, а машина с шофером, то есть такси, часто слишком дорога. Положение усугубляется, если в формально открытом для нас городе «закрытый» аэропорт. Например, чтобы попасть в Голливуд (под Лос-Анджелесом), нам приходится лететь до Сан-Франциско, так как аэропорт Лос-Анджелеса «закрыт». И так далее. В общем, министрам иностранных дел есть о чем поговорить.

Есть сложности, сопряженные с особенностями американской цивилизации. Мы постоянно должны быть в курсе проблем страны, а попробуйте ус-

Вашингтоне, например, 61 канал телевидения! И газеты, не похожие на наши или европейские, — в них в среднем по полсотни страниц. Тем более, понятия «центральной газеты» в США нет. В Вашингтоне есть великолепная «Вашингтон Пост», в Нью-Йорке — «Нью-Йорк Таймс», в Филадельфии — «Филадельфия Инквейер». Практически в каждом большом американском городе есть своя газета общенационального значения. Так что мое утро, еще до завтрака, начинается с двухчасовой, порой не слишком увлекательной, читки всех крупных газет. Между делом я смотрю программы новостей по телевизору. Потом едем снимать.

Телевизионная журналистика в корне отличается от газетной: мы должны быть на месте события в момент события. Мы не можем прочитать о нем в газетах или увидеть по телевизору и, не выходя из дому, отсудить на машинке текст, который передадут по телетайпу в Москву, чтобы утром он уже появился в газете. Нам нужно знать заранее, где и что произойдет. В результате приходится постоянно заботиться о связях с нужными людьми среди американских журналистов, политиков, специалистов в разных областях. На такую «разведку» уходит огромное количество времени и энергии.

Проблема с передачей материала в Союз — одна из серьезнейших. Чтобы сюжет появился в тот же день в программе «Время», мы должны переслать его с помощью спутника не позже полудня по вашингтонскому времени (в Москве это восемь вечера). Материал надо успеть смонтировать — это делается в студии американской компании «Мобил Видео», то есть тоже не дома; надо успеть написать текст, а в Останкино его еще должны успеть транслировать в принятую у нас систему записи SECAM из американской NTSC. И все это в дикой спешке (не дай бог, сломается машина!), с переживаниями и убийственными для желудка перекусываниями на ходу.

При этом журналист, работающий за рубежом, должен уметь: а) водить машину практически любой марки, б) управляться с видео- и звукоотъемником, в) печатать на машинке, г) вести все бухгалтерские дела корпункта. А сюжет, который иногда занимает 2—3 дня напряженной работы, длится на вашем экране 1,5—2 минуты...

Домой прихожу не раньше семи. Жую, смотрю в экран. Думаю, куда бежать завтра. Почти не читаю. Ложусь спать. В 7 утра звонят с Гостелерадио, заказывают материалы, я диктую текст уже готовый статьи.

А в программе «Время» или в «Международной панораме» я только и делаю, что катаюсь на настоящих ковбойских мустангах в Монтане, или рассказываю о красотах Майами, или, словно попав в фильм Френсиса Коппола, терзаю вашу душу жуткими историями из жизни американской мафии...

Но я люблю свою работу. Потому что она — для вас.

● МАЛЕНЬКИЙ ПАРНАС

Рассохшаяся шхуна грядет в Ханой, листовая шелушащаяся шторма, а за ней, огрызаясь, на паучьих ножках молний следуют гром — расхристаный отрок в рясе из причитаний. Волны задумчиво жуют свой жребий, их горбатый караван колышет верблюжья иноходь, и в воздухе пахнет хамством, ведь все ближе Азия. Тучи трясут черными ягодицами — скабрезно как никогда, полночь перебирает агаты, снасти сплетничают с ветром — хаос, восхитительный исповедник Хаос, с легкостью отпускающий грехи всем, кто помер, так и не разобравшись, машет матчевым расписанием. Ночь. Но что-то волнует меня, что-то покусывает мне нёбо как Нарзан, зане, видимо, мне осталось немного, ведь оголенные молнии свисают уже почти у глаз. Зане наша шхуна грядет в Ханой, а я — глупый и застенчивый гуин, сосущий телевизор Атланта, — сплю, не зная, что шторма, это только кот под одеялом, просто кот, запутавшийся в плюше...

О, Калиостро! Растратчик столетий, лстец человечеству, листающий его лестницы как фольганти! О, строгий реестр чужих грехов! О, грезный странник, о, перлюстратор страстей, зря алкающий старости!

О!.. Когда ночь через монокль окна заглядывает в твою комнату, что видишь ты?

Тьму — две доминирующих кисточки с белыми пятнышками нарисованных звезд. И еще ты видишь, как уходит жизнь, ссутулясь черной спиной, заспанной мирами, как перхотью, ты видишь рябую тень луны и самолетные огни, снующие как костыли на счетах.

Это ночь, Калиостро!

А ты, запалив свечу и сев с пером, покорно дождешься, пока маркизетовые гардины расправят крылья и унесут комнату в тьму, симулируя сквозняк. Ветер завоюет, лизнув пламя, в тебе вздуется волдырь смысла и вскоре лопнет, чтобы не мешать тебе снова любить жизнь.

И ты будешь думать, что бессмертен, и это катастрофа, ибо посмотри, как вострепелась душа, вострепелась и отлетела на тихих маркизетовых крыльях...

Эх, Калиостро!

Этот материал подготовлен по заказу редколлегии гуманитарных изданий «Менделеевца» выпускником МХТИ 1971 года Юрием Александровичем ЛЕБЕДЕВЫМ. Ю. А. Лебедев — автор научно-популярных книг о свинце и ржавчине «Второе дыхание марафонца» и «Бой с пожирателями металлов», редактор и один из авторов «Толкового словаря по химии и химической технологии». Он же — переводчик Станислава Лема. Сотрудничает с журналами «Химия и жизнь», «Знание — сила», стародавний и постоянный автор «Менделеевца», много лет вел в нем «Литературную страничку».

Кроме прочего, Юрий Александрович Лебедев — автор ряда «сумасшедших идей», одна из которых — применение термодинамических методов в лингвистике представлена, правда, в неясном виде, на суд читателей «Менделеевца».

Статья, публикуемая ниже, первая из серии, могущей иметь место, и потому в ней делается попытка проверить, насколько вопросы подобного рода могут быть интересны читателю, однако сама проблема не только не обосновывается, но даже еще и не обозначается. Если читатели каким-то образом откликнутся на идею Ю. А. Лебедева, проявят заинтересованность, «Менделеевец» может стать первым печатным изданием, в котором будут опубликованы положения нового, хотя и спорного раздела науки.

СЛОВАРЬ ЛЕКСИКИ ХИМИЧЕСКОГО ПОДЪЯЗЫКА

Один мой хороший знакомый, филолог и крупный специалист по творчеству И. Бродского, любит повторять: «Науки делятся на естественные и противоестественные. К последним относятся физика, химия и иже с ними». Трудно не согласиться с этим во времена Чернобыля, Бхопала и Арала. Вероятно, такую же позицию занимают и многие другие представители «естественных» наук и ремесел филологического профиля — писатели, поэты, журналисты. Они много размышляют как о судьбоносных, так и о бытовых явлениях нашей жизни, и пишут об этом в книгах, журналах и газетах. При этом неожиданным содержанием наполняется знаменитое ломоносовское: «Широко простирает химия руки свои в дела человеческие».

Количество литературных и публицистических текстов, в которых используются химические понятия и термины, — неохватно. Я проанализировал с этой точки зрения десятки тысяч заметок, статей, стихотворений, журналов, книг и понял — почти невозможно найти не содержащий «химии» текст и не поймать какую-нибудь «воду», «воздух», «элемент», «систему». Что может быть изложено из собранной таким образом «коллекции», содержащей уже сейчас более 15000 системонизированных словоупотреблений, какую поль-

зу она имеет для химии и филологии, обсудим в случае, если у читателей появится к этому отчетливое желание и они... но об этом чуть позже.

Среди этого довольно однородного потока химико-филологической информации порой попадаются выдающиеся по своим качествам образцы. И сегодня мне хотелось бы познакомить вас с одним из разделов собранной картотеки, который называется «КУРЬЕЗЫ». Поскольку читателями являются химики-профессионалы (или те, кто серьезно хочет быть ими), я даю цитаты без комментариев.

И наконец, если у вас есть желание поучаствовать в пополнении собрания (не обязательно курьезами, «обыкновенные» употребления на самом деле гораздо интереснее), можете присылать свои находки в «Менделеевец» — буду благодарен. Это послужит знаком того, что тема химикам-менделеевцам интересна, а также поводом для дальнейшего обсуждения проблемы.

Итак, дополнительные факты из раздела «КУРЬЕЗЫ» материалов к «СЛОВАРЮ ОБЩЕЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВ И ЛЕКСИКИ ХИМИЧЕСКОГО ПОДЪЯЗЫКА».

Юрий ЛЕБЕДЕВ.
БУМАЖКА ЛАКМУСОВАЯ
«Химик так химик, решило руководство комбината и дало согласие на создание коопера-

Сергей Протасов

Блюдец — блеск лезвия цепляет скользкий фаянс.

Мы едим апельсин. Шершавый шар раздевают и...

Сок.

Каюткампания. Стерефония офанерованных стен.

В море мчится парусник. Пора...

И апельсин, сильно напоминающий шершавый шар, наполненный жаром, падает в море на западе, и опадает простыня-парус на безликом балконе, и мерзкая марионетка намекает, что моря нет и...

Мы едим апельсин.

Мы были в Марокко.

Всплеск — и мой Иосиф, мой прекрасный Иосиф с братьями наперевес кинулся плесть дороги на груди Израилевой. И море тут же пленяет его шелестом волн Екклесиаста, статного страстотерца в расцвете своего я. Непонятно, о, Иосиф! — непонятно молча ты привечаешь врагов, разбредшихся к западу от Рая, братья же, о, Иосиф, бредут за тобой как дым за ветром, и оплетают пространство Вселенной, а ты продолжаешь ласково шептать мне: «Стой, заостри слух, слези из слез лупу и рассмотри Господа, который бесправен и рад малому, и мал сам — всего лишь с семя мака, и изменив как море, листающее Екклесиаст. Рассмотри Господа! Растворись в рассказах о прекрасном, стань сном самого себя, Сибиллой, блеском глаз глупца, блаженным, которому плеснули в лицо Библией, стань старостью, запутавшейся в венах, и дверью, безвинно болтающейся в петле, стань теми, кто спит, и тенью мотылька, и луной, и солнцем и, расцветая как поцелуй или ветер, исчезни, растроченный по пустякам...»

Всплеск: — Это мой Иосиф, мой дорогой Иосиф семафорит мне ступней из бездны, и я задыхаюсь, рассмотрев в себе бога, разрастающегося как рак.

Всплеск — это море, безгубя, трет ладони о берег, после того, как бросило к моим ногам рассвет.

О, Иосиф!

тива по производству индикаторной бумаги. Это, если вы насчитаете заготовленными комбинатом образцами и у вас заболит живот, прикладываете лакмусовую бумажку к сочному ложку, и она покажет, что есть в мякоти нитраты, — вам станет легче.

(«Правда», 17 мая 1989 г.).

ВОДОРОД

«Теперь представим себе абсолютную пустоту.

Место без времени. Собственно воздух. В ту и в другую, и в третью сторону. Просто Мекка воздуха. Кислород, водород. И в нем

мелко подергивается день за днем одинокое веко».

(И. Бродский. «Квинтет V». Сб. «Уралия», изд. «Ардис», 1987, стр. 87).

ГЕЛИЙ

ПОЛИАКРИЛАМИДНЫЙ
«На установке «Светоблок» выполнены эксперименты по синтезу полиакриламидного геля, который в дальнейшем будет использоваться в интересах совершенствования технологии получения биологически активных соединений на Земле».

(«Советская Россия», 19 ноября 1988 г.).

ДИХЛОРДИЭТИЛ

СУЛЬФИТ

«Дыхание затруднено, отечность,

пульс 140, температура 38,5, диагноз:

мебранозный трахеобронхит.

Работа мистера

Дихлордиэтила сульфита».

(С. Кирсанов. Поэма «Герань-ландыш-фиалка». Сб. «Искания», 1967 г., стр. 152—153).

КИЗЕЛЬГУР

«Люди на фабрике раздражались Лисса своими многочисленными жалобами: производство сложное и капризное; во время воздушного налета испортилась вентиляция, и в цехе произошло массовое отравление рабочих; кизельгур, которым пропитывается стабилизированная продукция, поступает нерегулярно».

(Вас. Гроссман. «Жизнь и судьба». «Октябрь», № 3, 1988, стр. 74).

НАШАТЫРЬ

«Нашатырь — соединение аммиака с хлором в виде белой соли, которая при нагревании улетучивается».

(В. Обручев. «Плутония. Земля Санникова», М., 1986, стр. 788).

ОТХОДЫ РАДИОАКТИВНЫЕ

«Захоронение радиоактивных отходов атомных электростанций — опасное и дорогостоящее дело. Решение проблемы, похоже, удалось найти на

атомной электростанции «Ловиса» в Финляндии... Радиоактивные отходы помещают в стальную цистерну с бактериями, и те за короткое время почти целиком — на 90% — съедают опасный для человека материал».

(«Правда», 10 февраля 1986 г.).

РОДАН

«При производстве азотной кислоты применяются катализаторы, которыми чаще всего являются дорогостоящие платиновые-родановые сетки... Исследования, проведенные специалистами, дали хорошие результаты. Появилась возможность замены ценной платины роданом».

(«Правда», 11 апреля 1983 г.).

СМЕСЬ

«Я к банням подходил не раз. К их кругосветным поворотам. Теперь — молекулярный газ. Смесь кислорода с водородом. Во все проник, везде завяз. Живого места не осталось. Туман вскарабкался на нас. Как крабовидная туманность».

(С. Кирсанов. «Туман в обсерватории». Сб. «Искания», 1967, стр. 175).

СПИРТЫ ЖИРНЫХ КИСЛОТ

«Основа мощных средств — соли и спирты жирных кислот. Как и в жирорастворимых продуктах питания, они теряют мощную способность».

(«Правда Украины», 4 мая 1989 г.).

СТИРОЛ

«Для получения изображения используется не рентгеновская пленка, а так называемый носитель многократного пользования — селеновые пластинки. Рентгеновское изображение исследуемого органа регистрируется на ней с помощью специального красящего порошка — стирила».

(«Вечерняя Москва», 11 декабря 1987 г.).

СУЛЬФИД НАТРИЯ

«Кара-Боза-Гол с его огромными запасами сульфида натрия и других ценнейших природных соединений забылен».

(«Огонек», № 40, 1987 г., стр. 24).

ЯДРА АТОМНЫЕ

Все электроны, говорят мудрецы, Силовое поле, атомные ядра, Кружащиеся с бешеными скоростями

В совершенно пустом пространстве. А мы приходим и спрашиваем: — Откуда берется зубная боль Или радость мороженому

в начале мая. (Ролф Якобсон. «Объясните, пожалуйста». «Иностранная литература», № 9, 1987, стр. 165).

● МУЗЫ НА МИУССКОЙ

А ЧТО ВАМ ПО ДУШЕ?

Что может быть лучше Моцарта?

Простите, может быть, вам по душе Бах, Григ или Айрон Мейден? О вкусах, конечно, не спорят, но на закрытии сезона клуба любителей музыки «Орфей» звучал Моцарт...

Концерт одновременно очень удачно открыл новый сезон, совпадающий с годовщиной великого композитора — 200-летием со дня смерти (1791—1991).

При первом же пассаже показало, что стены нашего Малого зала раздвинулись, блеснул свет зеркал, и в гладкой их поверхности отразились статуи, роспись потолка и барочные своды Вены. Удивительно, как все фантастично преобразилось при звуках маленького рояля из светлого дерева с несомненно привычным колоритом звучания. Привезенный пианистом Алексеем Любимовым, он порядком расстроился в дороге, и исполнителю ранних сонат Вольфганга Амадея постоянно приходилось переуправляться в настройщика. Рояль был совершенно не похож на тяжеловатого черного хозяина Малого зала, ни формой, ни звуком. Его создали в 1868 году в Баварии, и он точь-в-точь повторял рояли конца XVIII века — первые фортепиано, созданные аугсбургским мастером Штейнером. Его звучание, совершенно непригодное для исполнения Шопена, Скрябина или Рахманинова, позволило однако А. Любимову мастерски передать стиль моцартовской элады: вычурность, манерность и отсутствие той звуковой романтической певучести, которая присуща привычному нам фортепиано.

Слабым, суховатым, но звонким звуком этот рояль еще во многом походил на одного из своих предшественников — клавиесин. Совпадал даже цвет клавиш (вместо белых — черные и наоборот), не говоря уже о размерах клавиатуры, в пределах которой не уместился бы ни один композитор-романтик. Зато механизм в отличие от клавиесинного, уже не включал в себя «щипковые» приспособления, и звук извлекался ударами молоточков по струнам, а не щипками стерженьков из птичьих перьев или кожаного плектра. Впрочем, и звучание своей мелодичностью и варьированием по силе и окраске уже претендовало на фортепианное.

Механизм оказался гораздо более примитивен, чем я ожидал: все на виду, ничего «лишнего», только молоточки и струны (причем, не по 3 на каждую ноту, а по 2), кроме того, клавиши были совершенно не туго, почти как у клавиесина, играть было непривычно (после концерта мне позволили сыграть несколько тактов).

Удивительны рояли «спародителю»! Как необычно впадают в вычурногалантный стиль первые дуновения поэтической лирики — впереди XIX век!

А у нас впереди — следующий сезон клуба «Орфей», и, конечно, новые проблемы. Когда-то Чичерин сказал, что будущее — это Моцарт. Боюсь, сейчас этого трудно утверждать, ведь на устраивание концертов и приглашение профессионалов так катастрофически не хватает средств (где же наш дорогой «Моцарт»), так что, не удивляйтесь, если под сводами Менделеев в год Моцарта — Моцарта не будет.

Г. В.

Редактор В. Н. КУДРЯВЦЕВ.